

Научная статья

УДК 165.0

doi: 10.17223/1998863X/67/24

КОНТЕКСТНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ И «ОТЛОЖЕННАЯ» ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Петр Сергеевич Куслий

Институт философии РАН, Москва, Россия, kusliy@iph.ras.ru

Аннотация. В данном комментарии на статью О.А. Козыревой указывается на ряд аспектов, которые, по его мнению, требуют более детальной экспликации и обоснования. В частности, речь идет о той теории, которую предлагает Козырева для детерминации семантики индексных выражений в свете исследуемых ею сложных случаев, а также о том, почему именно следствиями такой теории становятся фундаментально иные отношения между семантикой и прагматикой. Также показывается, что сложные случаи, подобные тем, что Козырева обсуждает применительно к семантике индексных выражений, возможны и без участия таковых, и поэтому сама проблема не ограничивается вопросом об анализе этих выражений. Предлагается обсуждение проблематики в терминах различия между высказываниями типами (с постоянным лексическим содержанием) и высказываниями-токенами, содержание которых детерминируется контекстом ситуативно. Предлагается точка зрения, при которой описанные Козыревой сложные случаи могут быть успешно описаны в рамках традиционной семантики в духе Каплана.

Ключевые слова: семантика, контекст, отложенная интерпретация, типы и токены, прагматика

Для цитирования: Куслий П.С. Контекстная зависимость и «отложенная» интерпретация // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 282–286. doi: 10.17223/1998863X/67/24

Original article

CONTEXT DEPENDENCE AND DEFERRED INTERPRETATION

Petr S. Kusliy

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
kusliy@iph.ras.ru*

Abstract. In this commentary on Olga Kozyreva's paper, the author points at aspects that require a more detailed discussion and justification. The author argues that Kozyreva does not lay out her proposed theory explicitly enough for one to assess how justified her broader conclusions are. If the denotation of an indexical is indeed constructed by both the speaker and the hearer, as Kozyreva suggests, then it is not clear how communication is possible assuming that communication is about transmitting content from one individual to another. The speaker must be able to construct a statement and convey its meaning to the hearer. The author also shows that the problematic cases discussed by Kozyreva in relation to the semantics of indexicals arise in cases without indexicals. The author thus argues that the explored phenomenon is broader than the semantics of indexicals. One example is the present tense in Russian, which is known for not being indexical. However, Russian puzzles that are identical to the ones described by Kozyreva are indexical. The author proposes to discuss the matter in terms of types and tokens of linguistic expressions. He outlines an approach according to which the problematic cases can be dealt with in terms of the familiar

Kaplan-style semantics and Gricean pragmatics. The main point in this proposal is that maybe in the problematic cases the person who wrote the note was cooperative and assumed the context of the hearer. That person thus did not make any assertion in their own context of writing the note, but rather constructed a token for the context in which the hearer would be reading it. When the hearer (the recipient of the note) reads it, they assume that the speaker (the author of the note) was cooperative and thus could not construct a token that would be read as a contradiction in their own context. Thus, the hearer reasons, the (temporal) context that was originally assumed for the token is their current context. In more complicated cases, the speaker can reason even further: if the token they are dealing with still does not make sense in their current context, then they assume that the person who constructed the token intended some other more suitable context. The bottom line here is that it remains unclear why the problematic cases cannot be dealt with in terms of extralinguistic pragmatic factors such as manipulation of the contextual parameter that the communicators engage in.

Keywords: semantics; context; deferred interpretation; types and tokens; pragmatics

For citation: Kusliy, P.S. (2022) Context dependence and deferred interpretation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 67. pp. 282–286. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/67/24

Автор предлагает описание дискуссий вокруг каплановской семантики для индексных терминов, в которых вопрос о природе контекстной зависимости денотата оказывается нетривиальным. В них рассматриваются случаи, когда утверждения «Я сейчас не здесь» («Меня сейчас здесь нет») употребляются корректно и воспринимаются как истинные утверждения. В предложенной экспозиции дискуссий вопрос о семантике индексных выражений в предложениях указанного типа представлен как становящийся все более сложным при переходе от одних ситуаций употребления к другим. Обсуждаются концепции, в которых денотат термина «сейчас» оказывается зависимым от контекста считывания (восприятия этого утверждения слушающим/читающим), от интенции того, кто использует этот термин (говорящего/пишущего), наконец, как некий результат вклада со стороны говорящего и со стороны слушающего (когда, по словам автора, «за „схватывание“ референции выражений в одинаковой степени отвечает как одна, так и другая сторона»).

Насколько можно понять, сама автор склоняется именно к этой последней точке зрения на проблему: денотат индексного выражения должен, во-первых, быть общим содержанием для сообщающего и воспринимающего и, во-вторых, конструироваться с участием каждого из них или как-то иначе согласовываться с их действиями (действием сообщающего по кодированию содержания и действием воспринимающего по его декодированию). Таким образом, денотат индексного выражения (как, собственно, и содержание того утверждения, в которое он входит) оказывается производным от некоторой коммуникативной ситуации. При этом речь не идет о прагматических процессах, так как исследуется именно процедура придания языковому выражению его денотата. И поскольку эта процедура оказывается зависимой от таких факторов, как взаимодействие сообщающего и воспринимающего, она, по мнению автора, свидетельствует о необходимости пересмотреть традиционное разграничение между семантикой и прагматикой в сторону допущения прагматических механизмов в сферу семантики.

Для меня осталось непонятным, в чем, собственно, суть данного подхода: какие именно коммуникативные процессы и как позволяют воспринима-

ющему в описанных в статье ситуациях схватывать ту же самую пропозицию, которая вкладывалась сообщаемым? Нет ли здесь изначально противоречия или круга: если семантическое содержание выражения зависит от коммуникативного вклада обоих, то как же возможна коммуникация, т.е. передача конкретного содержания от одного индивида другому и задание нужного содержания сообщаемым еще до того, как воспринимающий вступил в дело?

Также автор не поясняет, как именно, с ее точки зрения, должны в рамках импонирующего ей подхода разрешаться те проблемные ситуации, о которых она пишет. Поэтому открытым остался вопрос о том, какое конкретное объяснение предлагается в итоге для примера с запиской, которую пишет Джон своей жене, которая при этом прочитывает ее не в шесть часов (как рассчитывал Джон), а в десять. О каком схватывании конкретной пропозиции можно здесь говорить и за счет чего? То же самое, по-моему, касается и ситуации с Беном, вешающим записку на дверь Джо. Ведь тут мы имеем дело уже не с уточнением денотата термина «сейчас», а с идентификацией денотата термина «я». И как конкретно автор предлагает объяснять эти случаи? Как их отличать от случаев коммуникативной удачи, о которых она упоминает?

Без более четкого понимания позиции автора по этим вводимым ею же пунктам обсуждения ее позиция остается не вполне понятной, в лучшем случае предлагается обзор ряда сложных случаев из литературы с указанием (в довольно абстрактных терминах) на то, в какой области могут быть найдены решения для этих сложных случаев, и намеком (тоже в довольно общих терминах) на то, что такие решения могут значить для проблемы разграничения сфер семантики и прагматики.

При этом хотелось бы заметить, что наблюдения, обсуждаемые в статье применительно к индексным выражениям, возможно провести и применительно к выражениям, не являющимся индексными. Это видно уже на примерах, подобных тем, что обсуждает автор. Ведь русское выражение «сейчас», в отличие от английского «now», насколько я могу судить, не является индексным: предложение «Ваня сказал, что Маша сейчас дома» может быть истинным в ситуации, где подразумевается, что Маша дома в момент, когда Ваня делал свое утверждение, а не в момент произнесения всего сообщения о пропозициональной установке. Поэтому русскоязычные аналоги рассмотренных примеров с «сейчас», по-видимому, не следует вообще рассматривать как случаи употребления индексного выражения (в той мере, в которой обсуждение касается слова «сейчас»). Более того, кажется, что те же самые вопросы могут возникнуть, если слово «сейчас» вообще убрать из записки, описываемой в примере. Записка «Я у соседа», которую, допустим, обнаруживает жена, похоже, ставит все те же проблемы без каких-либо индексных выражений. Указанное русскоязычное предложение сформулировано в настоящем времени, которое (в отличие от большинства случаев употребления английского Present tense) также не является индексным, как продемонстрировано все тем же вышеприведенным сообщением (вложенное предложение содержит настоящее время «Маша дома», но требования ее пребывания дома в момент произнесения нет).

Лексическое значение русского настоящего времени, таким образом, не включает в себя пересечение со временем контекста произнесения. По своему лексическому значению (т.е. по тому вкладу, которое оно делает в условия

истинности предложений, в которые входит) русское настоящее время, скорее, привносит элемент одновременности с некоей локальной «точкой отсчета» (известной в литературе как *local evaluation time*). В придаточном сложноподчиненного предложения оно означает одновременность с временем события, описываемого глаголом главного предложения (ибо именно глагол задает локальную временную точку отсчета для денотата придаточного предложения), а в простом предложении («Я у соседа») оно говорит об одновременности с временем контекста, которое здесь служит локальной точкой счёта. Таким образом, как мне кажется, для продуктивного обсуждения обозначенных проблемных случаев нам не обязательно говорить о так называемых индексных выражениях.

Разумеется, влияние контекста для данных головоломок остается значимым. По-видимому, важным различием, которое здесь релевантно, является различие между типом и токеном, которое само по себе содержит много нерешенных проблем (см., например: [1]). Контекст можно рассматривать как фактор, придающий конкретное семантическое содержание высказыванию-токену, обладающему тем или иным лексическим значением, апеллирующему к контексту. Так, предложение «Я у соседа» будет в разных контекстах иметь токены, выражающие разные пропозиции. Тогда о контексте можно попробовать поговорить как о том, что детерминирует денотат конкретного токена.

Данное различие можно использовать для описания того, что происходит в ситуациях «отложенного» использования или «отложенной» интерпретации. Зная лексическое содержание термина, сообщающий исходит из того контекста, в котором выражение будет воспринято, а не того, в котором оно им записывается. Можно допустить, что сообщающий вообще не делает в таких ситуациях никакого утверждения, содержание которого транслировалось бы воспринимающему, а скорее готовит некоторую формулировку для последующей интерпретации воспринимающим.

Такого рода языковое поведение представляется мне вполне естественным для описанных ситуаций, особенно с учетом осознания сообщаемым отличия того контекста, в котором будет находиться воспринимающий, от текущего контекста сообщаемого. Поэтому я пока не вижу причин, почему эти ситуации должны вызывать серьезные проблемы для семантики или требовать пересмотра способов ее взаимодействия с прагматикой.

Иными словами, на материале представленного исследования мне сложно увидеть, почему примеры с «отложенным» использованием обязательно имеют отношение к семантике и не связаны с экстралингвистическими (прагматическими) факторами. Так, например, пытаюсь быть максимально кооперативным, сообщающий исходит из контекста воспринимающего, который он заранее моделирует. Воспринимающий сталкивается с ситуацией, в которой он видит однозначно ложное (и неинформативное) утверждение, если исходить из допущения, что сообщающий учитывал свой собственный контекст, когда формулировал это сообщение. Это значило бы, что сообщающий некооперативен. Допущение об изначальной кооперативности сообщаемого дает основание для воспринимающего провести некую процедуру аккомодации и понять, что релевантный контекст – это не контекст формулировки, а контекст считывания. В ситуации с запиской, которую Джон пишет своей жене, а та читает ее не в то время, когда Джон изначальное планировал,

такая аккомодация, как мне представляется, тоже возможна через еще один дополнительный шаг: жена понимает, что ее собственный контекст (десять часов вечера) оказывается также неподходящим, и, сохраняя допущение о кооперативности мужа, выбирает контекст, который будет более подходящим с учетом их общего знания о расписании друг друга и т.д.

В заключение могу сказать, что обсуждаемый материал, действительно, весьма интересен и, насколько я понимаю, не учитывался в рамках стандартной формулировки семантики для индексных выражений. Однако вопрос о том, действительно ли он представляет серьезную проблему для этой стандартной семантики, требуя пересмотра ряда ее фундаментальных параметров, или же может несложным образом быть объясненным в рамках ее базовых допущений, лично для меня пока остается открытым.

Список источников

1. Черняк А.З. О семантической референции и референции говорящего // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59, № 2. (В печати.)

References

1. Chernyak, A.Z. (2022) On semantic reference and speaker's reference. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 59(2). (In Russian). [In print].

Сведения об авторе:

Куслий П.С. – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии РАН (Москва, Россия). E-mail: kusliy@iph.ras.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kusliy P.S. – Cand. Sci. (Philosophy), senior research fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: kusliy@iph.ras.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.04.2022;
одобрена после рецензирования 07.06.2022; принята к публикации 11.07.2022
The article was submitted 04.04.2022;
approved after reviewing 07.06.2022; accepted for publication 11.07.2022*